

С.А. Арутюнов

КОМУ СТРАШНА ЛАТИНИЦА?

*Здесь я родился, здесь я рос, здесь я охотился в горах.
И здесь, омытый морем слез, лежит покойных предков прах.
Без этих острых голых скал бессмертья дар не нужен мне.
Я Родину б не променял на рай в любой другой стране.*

Рафаэль Эристави. “Родина хевсура”
(перевод автора статьи. – С.А.).

Ubi bene, ibi patria. (Где хорошо, там и родина).

Латинская пословица

Письменность есть орудие фиксации речи. Как и всякое орудие, она не может быть абсолютно совершенна, и любая письменность передает звуки некоторого языка лишь с относительной адекватностью. Оставляя за скобками особый случай иероглифической письменности (Китай, Япония), основная масса письменностей современного мира может считаться алфавитной – фонемной и слоговой, т.е. знак или комбинация знаков передает фонемы речи или их комбинации – слоги. В грузинской письменности каждая буква (графема) соответствует практически однозначно одной фонеме, в обычном письме на иврите графемы фиксируют лишь базовую часть фонем, эфиопская и индийские письменности, а также миссионерская эскимосская письменность и некоторые другие – слоговые. Основных повседневно и широко употребляемых фонемных письменностей типологически немного – (оставив в стороне слоговые письменности большинства индийских языков и производные от них тибетские и юго-восточно-азиатские формы письма), можно назвать латиницу, кириллицу, предковый по отношению к ним обеим греческий алфавит, арабицу, еврейский квадратный алфавит, корейский алфавит онмун, грузинский и армянский алфавиты – вот, пожалуй, и все. Ряд некогда важных алфавитов арамейского происхождения – старомонгольский, несторианские, рунические и некоторые другие ныне имеют крайне ограниченное применение.

С научно-практической точки зрения вопрос о том, каким алфавитом следует писать тексты того или иного языка, большого значения не имеет. Можно сказать, что любой язык можно записывать любым алфавитом. В сущности, это и делается, например, при переводе художественной литературы с языка на язык, когда имена собственные оригинала и некоторые другие специфические слова транскрибируются (гораздо реже транслитерируются) алфавитом языка перевода. Имеются различные варианты международной фонетической транскрипции, которыми якобы можно записать любой язык. Эти транскрипции базируются на латинице, с добавлением огромного числа дополнительных графем и диакритических знаков. Реально для записи многих конкретных языков нередко приходится вводить дополнительные знаки, типа /, !, //, ? и др. для записи щелкающих звуков (клик) койсанских языков, обозначения тональностей и многого другого. Универсальные транскрипционные системы настолько сложны, что их практическое применение вне собственно языковедческих трудов исключается полностью, кроме того, они служат именно для фонетической, а не фонологической (фонематической) записи, в отличие от практи-

ческих алфавитов, для которых основной проблемой является адекватное отражение в графеме именно фонемного состава языка.

Как и многие другие, а реально даже почти все элементы культуры, алфавит имеет как практическое (витальное), так и этно(полито)интегрирующее или дифференцирующее значение. Эти две постоянно присутствующие в этноисторическом процессе диалектически взаимосвязанные противоположные тенденции обретают в современном мире векторы всеобщей глобализации и/или парохизации¹ (т.н. явление “глокализации”). Глобализационно мы обречены, чем дальше, тем больше, питаться обезличенной, массово производимой пищей, лишенной этнических или политонациональных маркеров – хот-догами, биг-маками, салатом “цезарь” и растворимым кофе. Это отнюдь не лучший образ питания, и традиционная национальная кухня каждого народа гораздо лучше и по диетическим, и по вкусовым, и по эмоционально-смысловым параметрам, и все же она будет в своей представленности в обозримом будущем сокращаться, а “fast food”, он же “junk food”, расширяться. Надо надеяться, что изыски французской “от кизин” не исчезнут окончательно из ресторанов Парижа, но по объему продаж все же будут лидировать сэндвичи, или, в лучшем случае, “круассаничи”². Однако национальные блюда всегда сохранят свою нишу знаковой, т.е. праздничной, престижной, ритуальной пищи, и, эволюционируя, будут все более служить поддержанию контр-глобалистской локальной самобытности.

Можно предполагать (и надеяться), что тогда как стандартная, без добавок и надстрочных диакритик, компьютерная латиница заменит во всех языках мира нынешние формы графики в СМИ, а также в канцелярии, в науке и в технической документации, в то же время национальные формы письма, такие, как деванагари, арабица, корейский онмун и т.д. сохраняют свою нишу в религии, поэзии, каллиграфии, орнаментике, и, частично, в рекламе. И чем скорее произойдет подобное размежевание функций, тем лучше. Но кое-как, наспех и топорно созданные в 1930-х годах кириллические алфавиты неславянских народов России к национальным формам письма никак не относятся, и от них следует просто избавляться поскорее.

Любопытный пример демонстративности экзотической графики дает прекрасная книга Джона Коларуссо “Nart Sagas from the Caucasus”. На ее обложке орнаментальная рамка создана строчками из абхазского варианта эпоса. Многострадальный абхазский народ за 70 лет советской власти пережил шесть (!) смен письменности – “аналитический алфавит” Н.Я. Марра, разные варианты латиницы и кириллицы, и алфавит на основе грузинской графики, приправленный обильной диакритикой. Последний, использовавшийся относительно недолго (1939–1953), и вызвал у абхазов особо сильное неприятие и отторжение (о чем Дж. Коларуссо никак не мог не знать). И тем не менее именно строчки эпоса, записанные этой графикой, попали на обложку книги. Что естественно: своей оригинальной письменности у абхазо-адыгских народов не было никогда, кириллица и латиница, понятно, для орнаментации по причине своей тривиальности и широкой распространенности никак не годятся, а этот шрифт создает впечатление самобытности, хотя и абсолютно ложное, насквозь искусственное и иллюзорное.

Вообще все разговоры об особой самобытности, гармоничности, совершенстве, красоте тех или иных национальных алфавитов суть не более чем этноцентрические мифы. Вполне осозная, какие громы и молнии я навлекаю на свою седую голову, все же именно сейчас, в дни 1600-й годовщины армянского алфавита Маштоца, рискну заявить, что отказ от него и перевод армянского языка на латиницу назрел уже давно, а публикуемая в этом же номере журнала статья А.Е. Тер-Саркисянц есть как раз характерный пример апологетики сложенного об этом алфавите мифа, в частности, с постоянным утверждением, что этот алфавит столь совершенен, что им поль-

зуются 16 веков без изменений. В действительности дело не в совершенстве, а в особой консервативности армянского духовенства (имеющей, несомненно, свое историческое объяснение). Основной, т.н. “каламный”, стиль³ написания алфавита Маштоца как раз создает немало неудобств для чтения: лишь тонкие горизонтальные штрихи служат различению графем А и Т, или О, С, РР, или Г, З, Г'. Эти трудности не столь заметны людям, владеющим армянским языком с детства, но при овладении им в относительно зрелом возрасте (как у автора этих строк), чрезвычайно затрудняют чтение. И не случайно, тогда как грузинское духовенство и по сей день пользуется “каламным” алфавитом “нусха-хуцури”, в светской практике в Грузии уже со II в. утвердился сильно отличающийся от него алфавит “мхедрули”, с более легко опознаваемыми округлыми формами. Я отнюдь не хочу занизить значимость свершений создателей старинных алфавитов – и Месропа Маштоца, и солунских братьев Кирилла и Мефодия, за которых меня уже анафемствовали некоторые борзописцы, но они соответствовали уровням и критериям раннего средневековья, и на сегодня выглядят архаично. Латиница “антиква” обрела свой нынешний облик только к XVII в., это уже порождение Нового Времени, и хотя и у нее есть свои недостатки (трудности различения е и с, і и j, С и G, скоплений і и l), в целом она соответствует критериям компьютерной эры лучше всех других алфавитов. Я глубоко убежден, что все языки мира, включая и русский, и грузинский, и иврит, и санскрит, в конечном счете с необходимостью перейдут на эту графическую основу именно как на главную форму письма, что не исключает, как уже было сказано, сохранения традиционных начертаний в особых случаях и для особых целей. Такая вполне нормальная культурная избыточность никаких трудностей не создает. В течение тысячи лет все грузинские священники умели читать и писать на трех кардинально различающихся алфавитах – асомтавури, нусха-хуцури и мхедрули. Сегодня же почти каждый грузин (а каждый тбилисец уж наверняка) без труда прочтет, скажем, антропоним или топоним, написанные как грузинским мхедрули, так и кириллицей или латиницей. Знание алфавитов – это появление той самой избыточности, в которой нуждается каждая культура для успешного выполнения своих адаптивных задач.

Кстати об антропонимах (именах и фамилиях). Употребление в официальных целях в общемировом масштабе разных алфавитов – это уже не избыточность, а вредное излишество, терпеть которое с каждым годом все труднее. Не только каждая страна, но нередко и каждое крупное учреждение (например, в России до недавнего времени, а может быть и по сей день, МИД и ОВИР) устанавливает собственные транскрипционные правила для разных языков, и иностранные имена и слова транскрибируются у дипломатов иначе, чем у картографов, а у картографов иначе, чем у рестораторов. Во множестве забегаловок Москвы можно получать сомнительного качества “sushi”, но втемашить владельцам этих забегаловок, что японцы едят именно суси, а суши не едят, не представляется возможным. С этим еще можно примириться, в конце концов, в пище главное – вкус и качество, а не название. Но сколько же неприятностей пришлось пережить автору этих строк при пересечении границы, обналичивании чека, обмене авиабилета, тщетно пытаюсь доказать упертому чиновнику, что Serguei Aroutiounoff, Sergei Arutiunov и Sergey Arutyunov это одно и то же лицо. О злключениях всех многочисленных Щекочихиных, Подъячих и прочих Несчастливцевых не хочется даже и думать.

Противники перехода на латиницу с калькулятором в руках пытаются показать, каких огромных затрат будет стоить подобный переход. Что и говорить, дело это не дешевое. Все неславянские народы России хорошо знают по собственному опыту, как дорого им пришлось заплатить в 1938–1939 гг. за внезапный, ничем не оправданный переход с уже устоявшейся латиницы на нескладную кириллицу, и заплатить

отнюдь не только в монетарном выражении. Но то был внезапный и тотальный переход. То же, что предлагаю я и все многочисленные сторонники латиницы, есть сугубо постепенный и поэтапный процесс, растянутый на года, и ежегодные издержки будут не так уж велики. Важно лишь решительно определить его формы и этапы. Кроме того, хотелось бы напомнить “экономистам” старую мудрость – скупой платит дважды. Чем на более дальнее время будем мы отодвигать начало процесса латинизации, тем дороже он нам обойдется, потому что начинать его придется все равно, более того, стихийно он уже начался в практике электронной переписки, но пока каждый придумывает сам для себя свой вариант транскрипции (это я могу видеть по своим корреспондентам), и хаос нарастает. Да и в официальном употреблении можно найти и *Rossia*, и *Rossiiia*, и *Rossiya*, и даже чудовищное *Rossija* (на почтовых марках), которое на большинстве языков мира будет прочтено как *Россижа* или *Россижа*.

Если же процесс перехода на латиницу будет продолжать политизироваться, то судебное-законодательное сопротивление ему будет все более восприниматься, совершенно обоснованно, как “беспрецедентное оскорбление, унижение достоинства народа”, а также как подготовка к ликвидации национальных республик, к полному переводу обучения на русский язык. Если власть будет побуждать неславянские народы России действительно видеть в латинице передовую линию обороны⁴, то цена этого вопроса и вправду малой не покажется никому. Высшая исполнительная, законодательная, судебная власть России должна задуматься над тем, что реальную угрозу целостности и безопасности России создает не начало перехода языков России на латиницу, а занятая этой властью шовинистическая, антидемократическая, держимордная позиция. Ни одному народу России не присущи искони русофобские настроения, но злонамеренные провокации или просто неуклюжие политические маневры вполне могут их искусственно спровоцировать.

И все-таки нет худа без добра. Поспешное принятие в Татарстане Яналифа или Заналифа сегодня, с вложением денег в их развитие, не может быть долговечным. Совершенно ясно, что при растущей глобальной компьютеризации реально перспективным может быть только Иналиф-алфавит, пригодный для использования компьютерной клавиатуры без дополнительных программ. Более того, это требование, которому должны отвечать все латинизированные алфавиты будущего. Никаких “гачеков”, “аксентов”, над- и подстрочных точек и галочек, никаких дополнительных букв, кроме 26 букв клавиатуры, в них не должно быть – и не будет. Только на Иналифе должно быть сосредоточено все внимание интеллигенции Татарстана.

Выход для всех языков мира один – в использовании многообразных графем и знаков диакритики с отдельным позиционированием после буквы. Многобуквенные графемы широко используют многие нынешние кириллические письменности России, включая русскую, например, в слове “изъять” их две – “зь” и “ть”. Впрочем, “ер” и “ерь” не имеют собственного звука и могут также рассматриваться как отдельно позиционированные знаки диакритики. В транслитерации Библиотеки Конгресса США оба знака заменяются апострофом ` , а “я” передается всегда двухбуквенной графемой “ia”, так что данное слово пишется “iz'iat”. Транслитерация Библиотеки Конгресса уже явочным порядком заняла позицию почти повсеместно принятой русской латиницы, и перевод русской письменности на нее будет оптимальным решением. Другие имеющиеся формы русской латиницы менее удачны. Система Библиотеки Конгресса имеет свои небольшие недостатки – неразличение “ъ” и “ь”, “э”, “е” и “ё”, “и” и “й”, “тс” и “ц” (то и другое передается как “ts”), неиспользование w, j, q, и x. Но, что очень важно, “ы” и лат. “y” соответствуют однозначно.

Многобуквенные графемы имеются во множестве письменностей в том числе и в английской (ch, sh, th), и в немецкой – (ch, sch), и чтению не мешают, даже когда они 4-буквенные, например, в “Deutschland”. Немецкое “über” придется, видимо, писать, как в старину, “ueber”, но “alles” останется без изменений.

Почти все старописьменные латиницы мира, кроме английской, придется отчасти модифицировать, хотя можно представить, с какой неохотой перейдут французы от *fete de l'ete* к *fe'te de l'e'te'*. И все же это будет неизбежно, иначе повсюду за пределами Франции на экранах компьютеров будут возникать, как это имеет место сегодня, тексты, испещренные маловразумительными и затрудняющими чтение значками.

Отдельно позиционированная диакритика употребляется уже сегодня во многих кириллических алфавитах России, например, “кавказская палочка” (kl). Компьютерная клавиатура в принципе позволяет применить как минимум 14 отдельно позиционированных диакритических знаков. Именно столько разных диакритик надо применить при кириллической записи в убыхском тексте разных вариантов “к” (латинская запись потребует 4 варианта “к” и 10 вариантов “q”). Консонантизм всех прочих языков мира значительно беднее убыхского, в котором более 80 согласных, так что знаков хватит для всех.

Конечно, глобальная латинизация всех письменностей мира столкнется с колоссальным сопротивлением. Идею перехода на латиницу сегодня, наверное, примут в штыхы 99% армян и почти столько же грузин. Здесь будет действовать много факторов, но основным, конечно, будет трудно преодолеваемый “комплекс неполноценности” маленьких и за последние 8–9 веков исторически катастрофически невезучих народов, компенсаторным механизмом к которому служит бесконечное восхваление своего “блестящего прошлого” и неумеренное парохильное самолюбование “особостью” своей (действительно во многом достаточно самобытной и высокой) культуры.

Наверное, даже когда, в относительном отдаленном, но все же, надеюсь, не слишком отдаленном будущем весь мир осознает необходимость перехода на единый, однозначно соответствующий уже утвердившейся на века компьютерной клавиатуре алфавит, последними в этом процессе будут страны семитских языков (арабского, иврита, эфиопских). Свою роль сыграют как особая приспособленность их существующих письменностей к характерной для семитской морфологии консонантной основе корня, так и особенно влиятельное в этих странах ультраконсервативное духовенство – мусульманское, иудейское, прехалкедонитское. С другой стороны, преимущественно исламская цивилизационная основа не помешала ранней латинизации языков Малайзии и Индонезии, равно как и явному стремлению к этой латинизации, вслед за турецким, почти всех тюркских языков.

Конечно, нельзя не видеть, что на нынешнем изгибе синусоиды истории, все, даже самые скромные, попытки неславянских народов России реализовать, хотя бы минимально, свои права на относительную национальную суверенность ретиво загоняются в точку, близкую к надиру. И все же, почему такая невинная и нейтральная вещь, как реформа письменности, вызвала не только озлобление великорусских державников и всех квасо-патриотов иже с ними, но даже неприятие в Конституционном суде, где должны, казалось бы, понимать, сколь недемократично и реакционно такое решение, и как оно вредит пресловутому “имиджу России” на общеевропейском фоне внимания к правам меньшинств. Ведь если соблюсти политико-правовую симметрию и отказаться на миг от привычной практики “двойных стандартов”, скажем, в применении к Латвии, то это было бы равнозначно тому, как если бы парламент Латвии принял решение: ладно уж, пусть русские дети учатся в русскоязычных школах, но все их работы, все учебники и учебные материалы должны писаться и печататься

таться хоть и на русском языке, но исключительно латинскими буквами латышского алфавита.

Можно ли представить себе такое? Трудно. Но нужно. Необходимо это представить, чтобы понять всю не просто чудовищную антидемократичность, но прямую шовинистическую абсурдность решения нашего Конституционного суда, а также все лицемерие “двойных стандартов” российских политиков. Причем тут шовинизм? – спросят меня. Ведь из 10 инициаторов такого постановления 9 – это нерусские! Однако хорошо известно, что нет худших русификаторов, чем обрусевшие “нацмены”, равно как только среди неофитов можно найти людей католичней самого папы римского.

Так в чем же все-таки дело? Только в символах? Но ведь в геральдической символике, в гербах и флагах субъектов федерации, можно найти куда больше сомнительных с точки зрения пресловутой “национальной безопасности России” моментов! Однако никакого их неприятия незаметно. С другой стороны, вполне нормальное и прогрессивное решение Республики Саха-Якутия о признании английского языка, наряду с русским и якутским, одним из рабочих языков республики вызвало такой всплеск истерического визга квасо-патриотических колумнистов, как если бы морская пехота США уже десантировалась на дно алмазных трубков Мирного.

А дело вот в чем. Такие черты глобализации, как расширение функций английского языка, употребление латиницы, бесцензурный доступ к информационным сетям, религиозный экуменизм, двойное (и даже множественное) гражданство, открытость международным контактам на всех уровнях имеют не просто общественно-политическое, но и цивилизационное, точнее, цивилизационно-формационное значение.

Процесс глобализации означает, что все страны и народы мира движутся и обречены двигаться в направлении этих ценностей – ценностей атлантической (“западной”) цивилизации и ныне посткапиталистической формации. Прочие цивилизации – исламская, конфуцианская (дальневосточная), восточноевропейская (православно-восточнохристианская), индусская (южноазиатская), южнобуддийская (юго-восточноазиатская), северобуддийская (центральноазиатская) – уже с середины XIX в. начали терять и в наши дни почти полностью утратили какую-либо самодостаточность. Они либо, как японская ветвь дальневосточной цивилизации, восприняли это (окончательно только в середине XX в.), пусть и не безболезненно, но все же тихо, спокойно, с достоинством, либо, как в ряде стран и регионов исламской и южнобуддийской цивилизации (Иран, Судан, Бирма-Мьянма), пытаются агонически цепляться за распадающуюся ткань старых ценностей. И в значительной мере такое же цепляние за уходящие и уже ушедшие ценности характерно и для России, которая цивилизационно топчется на густо поросшей идеологическими сорняками меже евразийства (если только не азиопства), а формационно с запоздалыми и половинчатыми реформами пытается преодолеть непройденный этап “дикого капитализма” и “империализма как высшей стадии” на пути перехода от “совкового” псевдосоциализма к маячащему впереди посткапитализму и пост-постмодернизму.

Эти ветхие ценности – все те же уваровские (для первой половины XIX в.) православно-державность, (само)державность, “народность” (т.е. соборность, исконность, а также сермяжность и домотканность); в начале XX в. они стали охотнорядскими ценностями и, по иронии судьбы, охотнорядскими остаются и в начале XXI в. Россия в пристрастии к ним не одинока: в форме санатаны, санскритизации, кастовства (и, кстати говоря, все той же домотканности) они присущи и ультраконсервативным кругам индийского общества. И аналогично им можно отыскать и в исламиизме и во всех других реакционных течениях, теряющих свою самодостаточность в остаточных цивилизациях⁵.

Латиница – не самый главный, но технологически необходимый, а также внешне заметный, яркий и броский компонент движения в сторону атлантической цивилизации. Чемпионом последней, кстати сказать, является отнюдь не Америка, в чьем варианте этой цивилизации остается еще огромное количество реликтов пуританско-фундаменталистского и, попросту, вполне средневекового наследия, а скорее страны Фенно-Скандии, и более всех, пожалуй, маленькая Исландия. В то же время характерно, что именно для Исландии, а также для Финляндии, Норвегии, Фарерских островов и Гренландии огромное значение имеет культ языковой чистоты и самобытности, культ саг, рун, музыкального фольклора и иных форм этнического и даже областного культурного наследия, т.е. культ очень симпатичных, но явственно парохизальных черт.

Глобализация и цивилизационная интеграция не противоречат таким проявлениям парохизализма (куда относится и ставшая притчей во языцех японская настоячивая культурная самобытность). Но эти проявления традиционности и местничества в глобализованном обществе сосредоточены в эстетической, декоративной, рекреационной сфере, в сфере досуга, изыска и самовыражения, и не имеют того стержневого, социально организующего характера, который им пытаются придать ультраконсервативные круги.

В обществе не с поверхностной, а с глубинной глобализацией, в обществе, где глубоко интериоризованы такие атлантические ценности, как принцип индивидуальной, а не коллективной ответственности, примат прав личности над правами группы, свобода мнения, совести, слова (узаконенные, в частности, в качестве критериев членства в Европейском сообществе), невозможны ни басманно-мещанские суды, ни благовещенско-бороздиновские зачистки, ни бессовестность коррумпированной бюрократии, ни бесстыдство алчных олигархов, ни беспредел и вранье карьеристской военщины (свойства, которые на индивидуальном уровне совмещаются порой в одном лице), ни сервильность и самоцензура СМИ, ни потакание убийцам, вандалам и фашиствующим ксенофобам, ни замена выборов назначаемостью в одних случаях и фарсовой фальсификацией “выборов без выбора” в других, ни множество других прелестей, к которым мы так прочно привыкли в нашем богоспасаемом отечестве⁶.

Не мнимая угроза “национальной безопасности России”, а вполне реальная угроза безопасности, бесконтрольности, безнаказанности всех творцов и пользователей этих прелестей – бюрократов, олигархов, золотопогонных силовиков, создаваемая каждым, даже малым шагом народов России по пути приобщения к либерально-демократическим ценностям Запада (и реформой письменности в том числе), так беспокоит этих господ и их слуг – парламентариев и юродствующих тележурналистов.

Вполне допускаю, что многие из этих слуг искренне верят, как и встарь, в “осажденную крепость русской духовности”, в свою “святую миссию” противостояния бездуховному консумизму, содомитству, наркозависимости, звериному индивидуализму, меркантилизму и прочим порокам растленного Запада. По правде говоря, указанные недочеты и изъяны действительно отчасти имеют место быть, но а) не носят уникального для западной цивилизации характера, б) не имеют в последней столь универсально-космической распространенности, которую ей приписывают обличители. При всем при том как сами обличители, так и тем паче их хозяева собственных детей предпочитают посылать учиться в Лондон.

Начав разговор о чисто техническом в сущности вопросе – проблеме выбора оптимальной в современных условиях письменности, мы были вынуждены говорить и о его искусственной политизированности, и о связи оной с неизмеримо более масштабными проблемами соотношения мировых векторов глобализации и парохизации.

зации. Движение к глобализации требует радикальных реформ во многих сферах общественного бытия всех социумов остаточных незападных цивилизаций, несколько из которых (восточноевропейская, исламская, еврейская, центральноазиатская) и по сей день отчетливо представлены в России. Не посягая на их фатические, этнические ценности, следует признать, что сообщество народов России на пути глобализационных и демократических реформ истари движется типичной для России поступью – полшага вперед, треть шага назад. На память приходит притча о сердобольном хозяине собачки, который, не имея моральных сил сразу отрубить хвост своей любимице, отрезал его по кусочку, с определенными интервалами между частичными небольшими ампутациями.

Жалко собачку. Особенно, когда собачка – это мы.

Примечания

¹ *Парохиальный* – ограниченный, узко групповой или локальный (от греч. paroikia – приход, диоцеза). Необходимо оговорить, что далеко не всякая глобализация (универсализация, интернационализация и т.д.) есть благо, и не всякая парохизация (локализация, местничество, областничество, провинциализм) есть зло. Вообще, как правило, не следует придавать этим процессам или категориям аксиологическую обозначенность. Вместе они образуют общий диалектический процесс “глобализации”, в котором, подобно процессам метаболизма, поглощение, преобразование и выделение суть неразрывно связанные составляющие. Практически на крайний глобализм и космополитизм, и компоненты, столь же бескомпромиссно ориентированные на местнический патриотизм (см. эпиграфы к данной статье).

² Croassandwich – гибрид сэндвича с круассаном – французской булочкой-рождом.

³ Почерк, приспособленный к письму тростниковым каламом, дающим жирные вертикальные и очень тонкие горизонтальные линии.

⁴ См. статью С.В. Соколовского в этом номере.

⁵ Хочу подчеркнуть, что, говоря о православности, ислаимизме, иудейской консервативности, индуистской санатане, я имею в виду не сами эти религии, с их освященными веками догматами и постулатами, приобретенными уже вне- или надцивилизационный, вне- и надвременной характер, а лишь неправомерную и несправедливую эксплуатацию внешней, формальной стороны этих догматов в сиюминутных политизированных целях.

⁶ Предвижу, что мне резонно возразят, что ни Ислам Каримов, ни Туркменбаши, ни даже отец и сын Алиевы в безоглядной приверженности к западным либерально-демократическим ценностям никогда не были уличены. Это правда. Латинизация письменностей узбекского, туркменского, азербайджанского языков имела иную мотивацию и пока что, на первый взгляд, к торжеству западных ценностей среди этих народов отнюдь не привела. Но пройдет время, и эти ценности придут к этим народам, и латиница сможет в некоторой степени ускорить их благостный приход. И вне зависимости от того, как историки этих стран оценят в будущем широкий и неоднозначный диапазон деятельности нынешних лидеров, их заслугу в решительном и прогрессивном переводе своих национальных письменностей на латиницу никто не сможет отрицать. Помимо всего прочего, эта акция поставила заслон на пути некоторых каналов исламистско-фундаменталистской пропаганды. Ведь ратовать за возврат к арабике от русской кириллицы легко. Возврат к арабике от латиницы, принятой в Турции, Индонезии и ряде других преимущественно мусульманских стран, пропагандировать значительно труднее.